КН
20
М-29
Мартынов А.
Международная...
Пр. М

ЕСЬ
ОЖЕ
Н.

А. МАРТЫНОВЪ

МЕЖДУНАРОДНОСТЬ НА ЗАПАДѢ И НА ВОСТОКѢ

I. Назадъ къ Пушкину. II. „Историческій законъ“ и историческая правда. III. Патріотическій западъ и россійскіе недоросли. IV. Куда держитъ путь европейскій востокъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
РА ОТНИКОВ
Народной Связи
в Петрограде
№ 11493

Издательство „КНИГА“

Петроградъ,
Стремянная ул., д. № 11
тел. 648-62

Москва,
Б. Садовая, д. Пигитъ, кв. 33
тел. 5-60-22

КН
20
М 29

А. МАРТЫНОВЪ

МЕЖДУНАРОДНОСТЬ НА ЗАПАДѢ И НА ВОСТОКѢ

I. Назадъ къ Пушкину. II. „Историческій законъ" и историческая правда. III. Патріотическій Западъ и Россійскіе недоросли. IV. Куда держить путь европейскій востокъ.

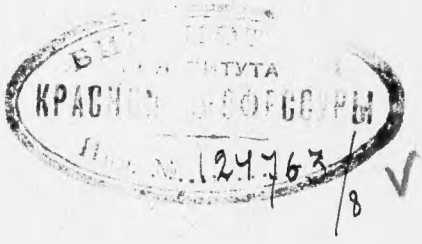
Издательство „КНИГА".

ПЕТРОГРАДЪ. Стремянная ул., 11, тел. 648-62.

МОСКВА. Б. Садов., д. Пигитъ, кв. 33, тел. 5-60-22.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
РАБОТНИКОВ
Народной Связи
в Петрограде
№ 11493

Петроградъ, печатать дозволено военной цензурой 10 октября 1916 года.

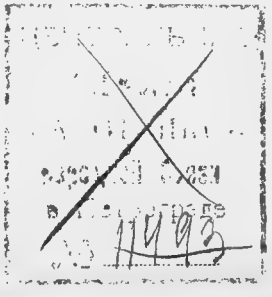


ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ
ПЕТРОГРАДЪ, СУВОРОВСКІЙ ПРОСП., 32-Б.
1916

Международность на Западѣ и на Востокѣ.

I. Назадъ къ Пушкину.

„Интернаціонализмъ является дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма, приложеніемъ въ большомъ масштабѣ тѣхъ же самыхъ мыслей и чувствъ... черезъ патріотизмъ—иного пути нѣтъ—въ международное царство братства и равенства". Такова новая теорія А. Потресова. Она въ сущности не нова. Это не что иное, какъ старая жоресистская теорія о надклассовомъ характерѣ демократическаго государства и о постепенномъ вростаніи коллективизма въ демократію. Но Жоресъ былъ скромнѣе Потресова. Онъ выводилъ свою теорію лишь изъ исторіи республиканской Франціи и лишь къ ней ее послѣдовательно примѣнялъ. Лишь французскій патріотизмъ 1793 г., по его мнѣнію, прямымъ путемъ велъ къ современному французскому интернаціонализму. Потресовъ же возводитъ эту теорію во всеобщій законъ и дѣлаетъ изъ нея такіе выводы для своего отечества, которые привели бы въ смущеніе самого Жореса даже въ періодъ его мильеранистскихъ увлеченій.



„Если европеецъ послѣ долгой работы—борьбы въ цѣломъ рядѣ поколѣній...“—пишетъ Потресовъ,—„только теперь прикоснулся къ порогу подлинной международности... то мы со своей стороны и не дошли до черты патріотизма, какъ массового общественнаго явленія... И потому дорваться Россіи до патріотизма, значитъ дорваться до Европы, стряхнуть съ себя мертвыя объятія азіатчины“. Объективный смыслъ этихъ словъ такой: преждевременно было въ полуазіатской странѣ развернуто знамя международности. Ея „четвертому сословію“, чтобы попасть въ международное царство братства и равенства, нужно отложить пока въ сторону худо переваримую имъ идеологію международнаго коллективизма и пойти на выучку къ Пушкину и Рылѣеву; чтобы попасть въ „международное царство“ нужно предварительно, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми истинно-патріотическими элементами страны, пройти ту школу гражданскаго патріотизма, которую наша передовая интеллигенція начала проходить сто лѣтъ тому назадъ. Путь этотъ длинный и въ ближайшую эпоху попятный; но иного пути нѣтъ, увѣряетъ насъ Потресовъ, ибо этотъ путь прошли вначалѣ наши интеллигентскіе новаторы, начиная отъ Радищева; тотъ путь проходили зап.-европейскіе рабочіе, и, если русскіе рабочіе думаютъ, что можно перескочить черезъ „стадію“ патріотизма, то это есть россійская „отсебятина“, россійская „безпочвенность мысли“, отражающая нашу отсталость, нашу

„гражданскую аморфность“. Итакъ,—назадъ, въ приготовительный классъ патріотической школы—призываетъ Потресовъ, а его единомышленникъ, Львовъ-Рогачевскій, ему вторитъ: у каждаго на столѣ „Война и миръ“, мы переживаемъ вновь событія двѣнадцатаго года, насъ потянуло къ А. С. Пушкину.

Одно можно сказать относительно разсужденій Потресова. Въ нихъ выводы вполнѣ логично вытекаютъ изъ предпосылокъ. Если вѣрно, что современный интернаціонализмъ есть лишь дальнѣйшее развитіе гражданскаго патріотизма, если вѣрно, что наблюдаемое сейчасъ во время войны различіе въ умонастроеніи европейскихъ и русскихъ рабочихъ есть лишь результатъ развитія гражданственности въ Зап. Европѣ, съ одной стороны, россійской азіатчины—съ другой; если вѣрно, наконецъ, какъ утверждаетъ Потресовъ, что его нынѣшніе взгляды являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ того, что онъ вкупѣ съ другими „самыми ясными головами“ думалъ въ дни величайшаго подъема въ Россіи,—то вѣрны и практическіе выводы его.

Насъ разбираетъ, однако, сомнѣніе: вѣрны ли Потресовскія предпосылки и не вотще ли онъ ссылается на сходство между его теперешними взглядами и тѣмъ, что лѣтъ десять тому назадъ думали „наши самыя ясныя головы“, видѣли „наши самые дальнозоркіе глаза“, говорили „наши умудренные опытомъ общественные дѣятели“. Не

впалъ ли Потресовъ въ то недоразумѣніе, въ которое впала Гретхенъ, открывшая сходство междурѣчами ея приходскаго священника и рѣчами Фауста.

II. «Историческій законъ» и историческая правда.

Свой „историческій законъ“, что путь къ международности идетъ черезъ патріотизмъ, что первая есть „дальнѣйшее развитіе второго“, А. Потресовъ выводитъ изъ наблюденій надъ зап.-европейскимъ рабочимъ движеніемъ въ его послѣдней фазѣ и особенно изъ того патріотическаго воодушевленія, которое охватило рабочія партіи Франціи и Германіи во время настоящей войны. Потресовъ, однако, и не пытается доказать, что будущая международность вырастетъ именно изъ этого патріотизма, что именно онъ есть „преддверіе подлинной международности“, а факты изъ зап.-европейской жизни говорятъ какъ разъ въ пользу противоположнаго заключенія: кто близко наблюдалъ сейчасъ жизнь на западѣ, тотъ видѣлъ, что подъемъ патріотическихъ настроеній въ рабочей демократіи въ началѣ войны здѣсь сразу заглушилъ всѣ ростки международности и, что наоборотъ, возрожденіе международности здѣсь всюду началось съ борьбы противъ патріотическихъ настроеній.

Чтобы хоть попытаться доказать вѣрность своего положенія, Потресовъ долженъ былъ бы обратиться къ болѣе ранней эпохѣ зап.-европейскаго развитія, къ эпохѣ, начинающейся съ конца 18-го вѣка

и кончающейся Франко-Прусской войной и коммунной, къ эпохѣ, когда ни ихъ внутренній строй, ни внѣшнія очертанія большинства зап.-европейскихъ государствъ еще не были консолидированы, когда въ Европѣ все находилось еще въ состоянія броженія, въ процессѣ ломки и преобразованія.

Въ ту критическую эпоху „цивическій патріотизмъ“ европейскаго общества, дѣйствительно проложилъ путь къ идеологіи пролетарской международности, именно къ идеологіи, ибо для проникновенія международнаго сознанія въ массѣ тогда еще не созрѣли историческія предпосылки; слишкомъ не развиты еше были капитализмъ и міровое хозяйство, слишкомъ въ зачаточномъ состояніи еще находилось политическое развитіе „4-го сословія“. Но именно эта эпоха, явившая примѣръ развитія идеологіи отъ патріотизма къ международности, показываетъ, какъ тщетна попытка Потресова примѣнить „свой законъ“ къ современной исторической обстановкѣ и какъ вульгарно онъ формулировалъ самый „законъ“.

Національно-государственный патріотизмъ, прокладывавшій въ ту эпоху путь къ пролетарской международности, былъ въ противоположность современному, не охранительный, а освободительный. Именно подъ его флагомъ „3-е сословіе“ вело тогда освободительную борьбу съ пережитками феодализма и это надѣлило его такими чертами, которыя совершенно чужды современному патріотизму. Тотъ патріотизмъ прежде всего не

отличался національной ограниченностью; онъ и тогда, когда приводилъ къ войнамъ, не сѣялъ вражды между народами, не порождалъ шовинизма, заразившаго теперь даже такихъ людей, какъ Вальянъ и Куновъ. Цивическій патріотизмъ того времени сочетался съ космополитизмомъ. Французскіе демократы патріоты того времени Великой Революціи и ихъ предтечи, просвѣтители 18-го вѣка, были космополитами. Космополитами были также германскіе-патріоты и національные геніи той эпохи—и Лесингъ, и Гетте, и Кантъ, и Фихтъ, и Гейне, и Вагнеръ. Космополитами были, наконецъ, и русскіе „просвѣтители“ 60-хъ г.г. Напомнимъ, какъ просвѣтитель и націоналистъ Добролюбовъ-опредѣлялъ, „что такое настоящій патріотъ“. „Въ первомъ своемъ проявленіи“-писалъ Добролюбовъ „патріотизмъ... не имѣетъ другой формы, кромѣ пристрастія къ холмамъ, полямъ роднымъ, златымъ играмъ первыхъ лѣтъ и пр...“ И это „субъективное настроеніе“ вполнѣ законно, пока оно не претендуетъ на общее признаніе и никому не навязывается; „кто можетъ упрекнуть меня за то, что во мнѣ пробуждаются свѣтлыя воспоминанія дѣтства при видѣ стола, накрытаго ярославской набивной скатертью, на которомъ стоитъ шипящій самоваръ“...

„Но довольно скоро онъ (патріотизмъ) формируется болѣе опредѣленнымъ образомъ, заключая въ себѣ всѣ понятія историческія и гражданскія, какія только успѣваетъ пріобрѣсти ребенокъ...

Патріотизмъ этотъ отличается до извѣстной поры полной и безграничной преданностью всему своему—будетъ ли это хорошее или худое“... Отъ этихъ „предразсудковъ мѣстности“ передовой человѣкъ постепенно эмансипируется, возвышаясь до признанія общечеловѣческаго блага руководящимъ принципомъ въ жизни, возвышаясь до „теоретическаго равнодушія и безразличія къ землячеству“. Поднявшись на эту высоту, „образованный человѣкъ“ только и становится „настоящимъ патріотомъ“, но патріотизмъ такого человѣка означаетъ лишь стремленіе проводить въ жизнь въ болѣе доступной средѣ своего отечества общечеловѣческіе идеалы. „Получивъ понятіе объ общемъ“, говоритъ Добролюбовъ, „т. е. о постоянныхъ законахъ, по которымъ идетъ исторія народовъ“, расширивъ свое міросозерцаніе до пониманія общихъ нуждъ и потребностей человѣчества, „образованный человѣкъ“ стремится перенести эти свои теоретическіе взгляды въ сферу практической дѣятельности. Но такъ какъ силы человѣка ограничены и такъ какъ каждый человѣкъ ближе знакомъ со своимъ отечествомъ, нежели съ другимъ, то онъ естественно тутъ и сосредоточиваетъ свою дѣятельность. Этотъ выборъ арены дѣятельности, впрочемъ, вопросъ цѣлесообразности, и „настоящій патріотъ“ готовъ также „трудиться для всего человѣчества, если только можетъ быть ему полезенъ“.

„Оттого то настоящій патріотъ терпѣть не

можетъ хвастливыхъ и восторженныхъ восклицаній о своемъ народѣ, оттого-то онъ смотритъ презрительно на тѣхъ, которые стараются опредѣлить грани разъединенія между племенами".

Другого сорта патріотовъ Добролюбовъ называетъ „псевдо-патріотами" и ихъ онъ бичуетъ безпощадно: „рабски-лѣнивыя и рабски-подлыя натуры", говоритъ онъ, „дѣлаются паразитами какого нибудь громкаго имени, чтобы его величіемъ наполнить собственную пустоту. Нерѣдко это громкое имя бываетъ отечество, родина, народность, и тутъ ужъ не бываетъ конца цвѣтистымъ фразамъ"... На дѣлѣ эти господа готовы эксплоатировать сколько возможно своего соотечественника не меньше, если еще не больше, чѣмъ иностранца... оттого они псевдо-патріоты (см. „Русская цивилизація", сочиненная г. Жеребцовымъ).

Противъ того, что Добролюбовъ называлъ псевдо-патріотизмомъ велъ также безпощадную борьбу Чернышевскій, но уже не въ этической, а въ политической плоскости. Напомнимъ его извѣстную статью „Народная безтолковость", до сегодняшняго дня не потерявшую актуальнаго значенія, въ которой авторъ показываетъ, какъ глубоко реакціонны съ точки зрѣнія европейскаго и русскаго прогресса освободительные планы славянофиловъ въ области внѣшней политики.

Другая типичная черта патріотизма разсматриваемой „критической эпохи", тоже вытекавшая изъ его освободительнаго характера, это то, что

онъ, въ противоположность современному, приводилъ не къ бургфридену, не къ гражданскому миру или перемирію между 3-мъ и 4-мъ сословіями, напротивъ къ борьбѣ между ними, притомъ къ борьбѣ, незамиравшей, а, напротивъ, обострявшейся подъ вліяніемъ національныхъ войнъ. Служа первоначально рычагомъ, которымъ „3-е сословіе“ подымало народныя массы для своихъ освободительныхъ цѣлей, патріотизмъ развязывалъ движенія, которыя скоро перерастали свою первоначальную цѣль и направлялись противъ „3-го сословія“. Патріотическія войны съ чужеземной коалиціей и съ внутренними измѣнниками быстро гнали впередъ великую французскую революцію за ея буржуазные предѣлы, ибо санкюлоты, привлеченные къ защитѣ отечества, въ обстановкѣ ломки стараго режима, требовали за это, чтобы отечество удовлетворяло ихъ соціальные притязанія, и горячій патріотизмъ санкюлотовъ питался тѣмъ, что они отожествляли спасеніе отечества со спасеніемъ революціи, которую они истолковывали въ своемъ санкюлотскомъ смыслѣ. И въ 71 г. оборона Парижа привела къ борьбѣ коммунаровъ съ версальцами, причемъ ярый патріотизмъ парижанъ тоже объяснялся тѣмъ, что они отожествляли защищаемую ими Францію съ коммуной.

И въ Германіи освободительное движеніе возникшее подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ и носившее яркій національно-патріотическій характеръ, уже при первыхъ попыткахъ перехода отъ

теоріи къ практикѣ, наканунѣ 48-го года, выявило противорѣчія внутри стремящейся къ освобожденію націи. Когда наиболѣе лѣвые нѣмецкіе патріоты пришли къ убѣжденію, что исторически запоздавшая нѣмецкая буржуазія уже не въ силахъ самостоятельно рѣшить германскую національную проблему, они ради ея рѣшенія стали искать опоры у нѣмецкихъ рабочихъ, а это привело ихъ вскорѣ къ коренному измѣненію самой точки зрѣнія, къ подчиненію задачи объединенія Германіи болѣе универсальной задачѣ „человѣческой эмансипаціи“. Соприкосновеніе съ рабочими неизбѣжно должно было ихъ привести къ постановкѣ этой болѣе универсальной цѣли, ибо настроеніе тѣхъ рабочихъ, съ которыми они сблизились, и въ частности коммунистическіе взгляды тогдашняго пролетарскаго самородка Вейтлинга, убѣждали ихъ, что только подобная цѣль способна была бы въ то время привести въ движеніе нѣмецкій пролетаріатъ. Такимъ путемъ Марксъ, заинтересовавшись, какъ и другіе демократы, вначалѣ 40-хъ годовъ рабочимъ вопросомъ изъ патріотическихъ мотивовъ, уже въ 47-мъ году перекочевалъ въ лагерь коммунистовъ и сталъ считать свою первоначальную цѣль средствомъ, а первоначальное средство цѣлью, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ манифеста: „на Германію коммунисты обращаютъ свое главное вниманіе потому, что Германія стоитъ наканунѣ буржуазнаго радикальнаго преобразованія“ и потому, что при современныхъ

болѣе развитыхъ условіяхъ европейской цивилизаціи... нѣмецкое буржуазное „радикальное преобразованіе“ можетъ быть только непосредственнымъ прологомъ къ пролетарскому“.

Какимъ путемъ шло въ разсматриваемую эпоху развитіе отъ патріотизма къ международности? Явилась ли тогда идеологія международности лишь „дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма, приложеніемъ въ большемъ масштабѣ тѣхъ же самыхъ мыслей и чувствъ“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно предварительно условиться, о какой международности у насъ идетъ рѣчь. Потресовъ утверждаетъ, что будущая „подлинная международность“ „возьметъ патріотизмъ, приметъ сознаніе и чувство національно-государственной особенности, какъ одну изъ составныхъ частей международной пролетарской политики, какъ ту грань, которую нельзя, насилуя, переступить при постановкѣ своихъ международныхъ задачъ“. Для потресовской „подлинной международности“, какъ мы видимъ, существованіе обособленныхъ національныхъ государствъ со свойственнымъ имъ „національно - государственнымъ индивидуализмомъ“ является необходимой предпосылкой, непереступимой гранью. *Такая* международность, дѣйствительно, развилась органически въ разсматриваемую эпоху изъ патріотизма. Но то была международность *буржуазно - демократическая*, международность въ духѣ Мадзини,—международность, какъ ее формулировала *либеральная докт-*

рина, державшаяся на трехъ китахъ: свобода торговли, національное государство и братство между народами. Эту программу либеральная демократія не въ состояніи была, однако, послѣдовательно провести въ жизнь и въ свою героическую эпоху. Свобода торговли осуществлена была только въ Англіи—и то лишь благодаря ея исключительному міровому положенію; принципъ національнаго самоопредѣленія проведенъ былъ въ жизнь въ Европѣ далеко не вездѣ и далеко не въ полной мѣрѣ; „братство"-же между народами либеральная демократія нигдѣ даже не попыталась осуществить. Въ ея программѣ это было лишь одно изъ тѣхъ благочестивыхъ пожеланій, которыми вымощенъ адъ капиталистической конкурренціи. Это банкротство либерализма толкало передовую мысль въ сторону коллективизма. По мѣрѣ обнаруженія утопически-маниловскаго характера либерально-демократической идеи международности, въ умахъ идеологовъ новаго восходящаго класса созрѣвала новая формулировка этой идеи, которая впервые отчетливо была выражена Марксомъ. Но на марксистскомъ знамени девизъ международности гласилъ ужъ—не братство „народовъ", т. е. на дѣлѣ обособленныхъ національныхъ государствъ, а братство наймитовъ всѣхъ государствъ. И это не было простой перефразировкой старой идеи, ибо въ новой формулировкѣ идея международности была органически связана уже не съ національно-государственнымъ патріотизмомъ, а съ коллекти-

визмомъ. Въ новой формулировкѣ она связана была съ идеологіей, которая не считаетъ національно-государственныхъ „граней“ послѣднимъ словомъ историческаго развитія, которая отвергаетъ, какъ утопію, установленіе вѣчнаго мира и братства между обществами, отдѣленными *такими* гранями, которая признаетъ возможность полнаго замиренія національной вражды лишь путемъ устраненія того, что съ начала исторіи лежало въ основѣ государственности. Идея международности, формулированная Марксомъ, не была, какъ мы видимъ, „дальнѣйшимъ развитіемъ“ старой демократической идеи; это была принципіально новая идея. Именно поэтому 1-й интернаціоналъ счелъ нужнымъ провести непроходимую грань между своей организаціей и пацифистско-гуманитарной организаціей „Лиги мира и свободы“. Если такимъ образомъ демократическій патріотизмъ и подготовилъ почву для пролетарской международности, то мы тутъ имѣемъ случай не органической эволюціи, а развитія путемъ отрицанія.

Значитъ ли это, что провозвѣстники новой идеи международности стали равнодушны къ судьбамъ своей родины или хотя бы къ условіямъ ея государственнаго бытія. Конечно, нѣтъ. Марксъ писалъ въ своемъ „Манифестѣ“: „пока пролетаріатъ стоитъ прежде всего передъ необходимостью завоевать...“ и т. д. „передъ необходимостью возвысить себя до національнаго класса, конституировать себя самаго, какъ націю, онъ самъ еще

національнъ, хотя не въ смыслѣ буржуазіи"... Представляя себѣ въ такомъ видѣ путь развитія рабочаго движенія, Марксъ не могъ конечно быть равнодушнымъ къ условіямъ существованія государственнаго своей родины. И мы знаемъ дѣйствительно, что онъ и послѣ того, какъ сталъ коммунистомъ, продолжалъ по-прежнему близко принимать къ сердцу дѣло объединенія Германіи, что онъ въ отношеніи къ современнымъ ему войнамъ 1855, 1859, 1866 и 1871 г.г. выступалъ, какъ сторона, желая при извѣстныхъ условіяхъ однимъ побѣды, другимъ пораженія. Мало того—мы знаемъ что онъ даже готовъ былъ толкать Германію на агрессивную войну съ Даніей изъ-за Шлезвигъ-Голштиніи, что онъ также призывалъ Германію къ агрессивной войнѣ на Востокѣ Европы.

Вотъ это-то неодинаковое отношеніе къ различнымъ отечествамъ на случай войны, вотъ этотъ-то методъ „исторической расцѣнки", который Марксъ, равно какъ Энгельсъ и Лассаль, примѣняли къ современнымъ имъ войнамъ, и ввели въ соблазнъ Потресова. Требуя со своей точки зрѣнія вполнѣ основательно, чтобы весь интернаціоналъ при современныхъ условіяхъ сдѣлалъ опредѣленный выборъ между двумя антагонистическими группами, онъ увѣряетъ себя и другихъ, что онъ разсуждаетъ совсѣмъ по Марксу или по Лассалю. Вотъ гдѣ повторилось недоразумѣніе, въ которое впала Гретхенъ.

Марксъ жилъ въ эпоху не имперіалистскихъ,

а національно-освободительныхъ войнъ. Опредѣляя свое отношеніе къ той или иной подготовляющейся войнѣ, онъ всегда вспоминалъ картину французскихъ патріотическихъ войнъ послѣднихъ лѣтъ 18-го вѣка противъ европейской коалиціи,—войнъ не притуплявшихъ, а крайне обострявшихъ противорѣчія въ самой Франціи,—войнъ, порождавшихъ тамъ не „священое единеніе“, а нѣчто противоположное. Если Марксъ выражалъ сочувствіе извѣстнымъ войнамъ, онъ дѣлалъ это потому, что онѣ, по его мнѣнію, должны были содѣйствовать обостренію противорѣчій въ Западной-Европѣ въ желательномъ для коллективизма смыслѣ. Когда онъ, напримѣръ, въ „Новой Рейнской Газетѣ“ призывалъ Германію къ истребительной войнѣ на Востокѣ, онъ оговаривался, что онъ этого требуетъ „не въ интересахъ Германіи“, т. е. не въ интересахъ охраненія ея „національно-государственной индивидуальности“, а въ интересахъ коренной ломки общественныхъ отношеній. Исходя изъ этихъ соображеній, Марксъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочувствовалъ не только оборонительнымъ, но и явно агрессивнымъ войнамъ. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, Лассаль въ одномъ случаѣ, именно въ 1859 году, желалъ даже пораженія Германіи. Далѣе, Марксъ и другіе коллективисты его времени, живя въ критическую эпоху европейскаго развитія, представляли темпъ этого развитія чрезвычайно быстрымъ: Марксъ, какъ мы видѣли, ожидалъ, что буржуазное преобразованіе

Германіи послужитъ „непосредственнымъ прологомъ“ къ коренной ломкѣ европейскаго общественнаго строя. Имѣя въ виду такія перспективы онъ не склоненъ былъ ждать терпѣливо того момента, когда отсталыя страны догонятъ передовыя. Исходя изъ такихъ перспективъ, онъ раздѣлялъ не только классы, но и государства на прогрессивныя и реакціонныя. Поэтому онъ отказывался вводить въ свои разсчеты „проблематическое демократическое будущее Россіи и австро-славянскихъ земель“, разсматривая ихъ какъ очаги реакціи, какъ подлежащую устраненію преграду бурному потоку западно-европейскаго развитія. Вотъ что лежало въ основѣ Марксовыхъ „историческихъ расцѣнокъ“. Руководился ли онъ при этихъ расцѣнкахъ такими соображеніями, какими руководится сейчасъ Потресовъ? Марксъ, живя въ эпоху національно-освободительныхъ войнъ и крушенія феодальныхъ устоевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ высказывался за „пріятіе войны“, ожидая отъ нея углубленія противорѣчій и приближенія торжества коллективизма на Западѣ, ради котораго онъ готовъ былъ пожертвовать задачей проведенія реформъ въ отсталой странѣ въ неопредѣленномъ будущемъ. Потресовъ, живя въ эпоху имперіалистскихъ войнъ и имперіалистической реакціи, высказывается за „принятіе войны“, связывая съ ней надежды на демократическія реформы въ центральной и Восточной Европѣ, и ради этого фактически жертвуетъ залогомъ торжества коллекти-

визма, накопленнымъ капиталомъ международности. Марксъ ради близкаго торжества коллективизма жертвовалъ нѣкоторыми проблематическими реформами; Потресовъ во имя проблематическихъ реформъ фактически жертвуетъ коллективизмомъ. Мы не беремся судить, кто изъ нихъ правъ. Мы лишь констатируемъ: приходскій священникъ говоритъ не то, что Фаустъ.

Въ итогѣ мы видимъ; было время, когда „историческій законъ“ Потресова дѣйствовалъ, когда путь къ идеологіи пролетарской международности, дѣйствительно шелъ черезъ патріотизмъ. Но время это было не то, что нынѣшнее; не тотъ тогда былъ патріотизмъ, не къ той идеологіи международности онъ привелъ, о какой говоритъ Потресовъ, и не таковъ былъ путь отъ одной идеологіи къ другой, какъ его намѣчаетъ онъ. Не удивительно, что А. Потресовъ для обоснованія своей теоріи и не пытается анализировать особыя историческія условія той эпохи, когда впервые сформировалась идеологія пролетарской международности, довольствуясь констатированіемъ внѣшняго сходства между его методомъ „историческихъ расцѣнокъ“ и тѣмъ, къ которому прибѣгали когда то Марксъ, Энгельсъ и Лассаль. Настоящаго подтвержденія вѣрности своихъ взглядовъ онъ ищетъ поэтому не въ теоріи „приснопамятнаго 1-го интернаціонала“, а въ практикѣ второго—и именно въ его новѣйшей практикѣ во время войны, противопо-

ставляя, какъ образецъ, практику передового Запада практикѣ „полуазіатскаго“ Востока.

III. Патріотическій западъ и россійскіе „недоросли“.

Война, по словамъ Потресова, обнаружила „настоящую пропорцію“, въ какой были распредѣлены въ западно-европейской пролетарской средѣ въ эпоху II-го интернаціонала два явленія: „національно - государственная гражданственность“ (патріотизмъ тожъ) и „международность“. Оказалось, говоритъ онъ, что первое явленіе имѣло въ эпоху II-го интернаціонала размѣры „левіафана“, второе—размѣры „пигмея-эмбріона“, что подлинная международность здѣсь еще „музыка будущаго“. Съ другой стороны, та же война, по его словамъ, показала, что въ россійской соотвѣтственной средѣ и „патріотизма, какъ массоваго явленія, еще нѣтъ“, что намъ еще нужно „дорваться до патріотизма“, чтобы „дорваться до Европы и стряхнуть съ себя мертвыя объятія азіатчины“.

Картина, нарисованная Потресовымъ, приноровлена къ тому, чтобы посрамить россіянъ и оправдать поведеніе во время войны западныхъ партій, которыя, согласно этой картинѣ, ничему не измѣнили и ни отчего не отступились, ибо и до войны ихъ патріотизмъ относился къ ихъ международности, какъ „левіафанъ“ къ „пигмею“, ибо война лишь обнаружила эту „настоящую пропорцію“.

Потресовская картина явно тенденціозна. Это не реалистическая, а суздальская живопись. Въ дѣйствительности, международная связь движенія во время I-го интернаціонала, ясно сознававшаяся только кучкой передовыхъ рабочихъ и идеологовъ движенія „4-го сословія“, въ эпоху 2-го, стала все болѣе и болѣе проникать въ практику массовыхъ партій „4-го сословія“ на западѣ, стала верховнымъ критеріемъ этой практики, привела къ установленію единообразія тактическихъ принциповъ въ профессіональномъ и политическомъ движеніи рабочей демократіи разныхъ странъ, привела подъ конецъ къ установленію единообразной оцѣнки международнаго положенія и международныхъ отношеній всѣми частями интернаціонала. Международность такимъ образомъ непрерывно росла въ минувшую эпоху и давнымъ давно вышла уже изъ эмбріональнаго состоянія, когда разразилась міровая катастрофа. Но дѣло въ томъ, что еще сильнѣе возрасли запросы, предъявлявшіеся рабочей демократіи глубокими хотя и медленными измѣненіями въ условіяхъ государственнаго бытія, происшедшими на западѣ въ послѣдніе полъ-вѣка. Благодаря тому, что Западная Европа съ средины прошлаго столѣтія вошла въ полосу постепеннаго развитія и устойчиваго равновѣсія, порождающаго большую силу инерціи, движеніе пролетарскихъ массъ не поспѣвало за тѣми задачами, которыя ему ставила исторія и которыя требовали рѣшительнаго преодолѣнія національной ограничен-

ности. Это выразилось въ томъ, что въ эпоху, когда буржуазія капиталистическихъ державъ занята была вопросомъ о дѣлежѣ и передѣлѣ міра, когда капиталистически-мощныя державы, опираясь на коалиціи, вели между собою борьбу за міровое господство, пролетарскія массы этихъ странъ, весьма абстрактно и весьма платонически понимая принципъ международной солидарности, мало интересовались жизнью чужихъ отечествъ, а междугосударственными отношеніями интересовались лишь постолько, по скольку они вели къ усиленію милитаризма и налогового гнета въ собственномъ отечествѣ. Это выразилось въ томъ, что ни разу въ минувшую эпоху движеніе, возникшее въ одномъ какомъ-нибудь государствѣ, не послужило поводомъ къ международному массовому выступленію, не останавливающемуся передъ государственными рогатками, что никогда 4-е сословіе, вступившее въ конфликтъ съ другими классами въ одномъ государствѣ, не получало непосредственной активной поддержки со стороны 4-го сословія зарубежныхъ странъ, несмотря на то, что его антагонисты такую поддержку отъ своихъ соперниковъ нерѣдко получали, что никогда 4-ое сословіе въ это время не нарушало на дѣлѣ національно-государственнаго принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ странъ, несмотря на то, что его антагонисты съ этимъ принципомъ далеко не всегда считались. Напомнимъ для иллюстраціи хотя бы одинъ фактъ—пассивное поведе-

ніе французскаго 4-го сословія, когда французскіе милліарды помогли ликвидаціи движенія на востокѣ...

Параллельно съ этимъ, благодаря тѣмъ же условіямъ органической эпохи, ростъ политическаго вліянія рабочей демократіи въ рамкахъ отдѣльныхъ зап.-европейскихъ государствъ и ея экономическія завоеванія въ этихъ рамкахъ питали въ извѣстныхъ ея слояхъ оппортунистическія тенденціи, уже принципіально несовмѣстимыя съ международностью, уже принципіально направленныя на превращеніе международныхъ партій въ національно-реформаторскія. Вотъ эта то относительная отсталость движенія по сравненію съ большими проблемами, которыя передъ нимъ встали, и сыграла роковую роль, когда міровая катастрофа поставила передъ западно-европейскими рабочими партіями ребромъ вопросъ, даже осторожное рѣшеніе котораго внезапно и круто измѣнило бы условія ихъ существованія и очень скоро поставило бы ихъ передъ необходимостью кореннымъ образомъ измѣнить свою тактику. Къ такому „перерыву постепенности“ минувшая застойная эпоха совершенно не подготовила западно-европейскую рабочую демократію. Въ результатѣ отвѣтственные „серединные“ элементы партіи въ минуту историческаго испытанія растерялись и капитулировали передъ правымъ крыломъ, сразу почувствовавшимъ себя хозяиномъ положенія, а это уже логично привело къ тому, что „патріо-

тизмъ“ партій сразу выросъ до размѣровъ „левіафана“, а „международность“ сразу съежилась до размѣровъ „пигмея“. Война, такимъ образомъ, вопреки утвержденіямъ Потресова, не обнаружила настоящую „пропорцію“ между указанными явленіями въ прошломъ, а нарушила всѣ пропорціи, перепутала всѣ карты. Таково схематическое изображеніе того, что произошло на Западѣ, изображеніе, которое мы ниже попытаемся конкретизировать.

Также по-суздальски Потресовъ изображаетъ умонастроеніе россійскаго „4-го сословія“ наканунѣ войны. До какого собственно патріотизма россійское 4-ое сословіе еще не дорасло? Патріотизмъ, какъ элементарное чувство любви къ родинѣ, присущъ эскимосу не меньше, чѣмъ англичанину. Очутившись на чужбинѣ, эскимосъ будетъ, вѣрно, даже сильнѣе тосковать по родинѣ, чѣмъ англичанинъ, очутившись въ Индіи. И русскій „мальчикъ безъ штановъ“, конечно, любитъ не меньше свою родину, чѣмъ нѣмецкій „мальчикъ въ штанахъ“ свой фатерландъ, и онъ для этого даже находитъ разумное основаніе: „у насъ хоть шаромъ покати, зато занятно“. Надо полагать, что въ такомъ патріотизмѣ и Потресовъ не рѣшится отказать русскимъ рядовымъ членамъ 4-го сословія. Но нѣтъ также основанія отказать имъ и въ патріотизмѣ того рода, который вытекаетъ, говоря словами Потресова, изъ „накопленнаго въ границахъ отечества, а потому индивидуально-

окрашеннаго капитала труда и борьбы", ибо, несмотря на младость движенія нашего 4-го сословія, „капиталъ борьбы" въ немъ накопился не маленькій, и если „патріотизмъ гражданина" характеренъ, по мнѣнію Потресова тѣмъ, что онъ „несетъ, буде нужно, достояніе и жизнь на алтарь своей родины", то россійское 4-ое сословіе намъ, кажется, доказало не менѣе западнаго, что оно въ этомъ смыслѣ патріотично.

Если, такимъ образомъ, не играть растяжимымъ понятіемъ „патріотизмъ", то разница между Западомъ и Востокомъ сведется къ слѣдующему. На Западѣ 4-ое сословіе проявило специфическій видъ патріотизма „защитнаго цвѣта": оно въ условіяхъ имперіалистичсской эпохи и высоко развитаго рабочаго движенія въ критическую минуту довѣрилось въ дѣлѣ защиты своей родины не международной пролетарской демократіи, а своей національной буржуазіи. На Востокѣ оно при всей своей любви къ родинѣ по этому пути не пошло, или вѣрнѣе здѣсь по этому пути пошла лишь часть 4-го сословія и при томъ не сразу и не такъ рѣшительно.

Спрашивается, есть ли это путь неизбѣжный для тѣхъ, кто желаетъ „дорваться до Европы". Есть ли этотъ специфическій видъ патріотизма необходимая стадія развитія движенія? Потресовъ отвѣчаетъ на вопросъ утвердительно, ибо для него указанное умонастроеніе западной пролетарской демократіи есть *необходимый* положительный

продуктъ высокаго гражданскаго развитія Западной Европы, какъ и наоборотъ, его отсутствіе у россійскаго 4-го сословія является лишь отрицательнымъ продуктомъ „гражданской аморфности“ Россіи и ея „азіатчины“, составляющихъ естественную основу для „безпочвенности мысли“ и для „утопизма“. Это требуетъ доказательства. Что высокое развитіе гражданственности въ странѣ, что пріобщеніе 4-го сословія къ благамъ этой гражданственности, что его пріобщеніе къ извѣстнымъ политическимъ, духовнымъ или матеріальнымъ цѣнностямъ національной культуры, при опредѣленныхъ условіяхъ укрѣпляетъ связь съ національнымъ цѣлымъ *за счетъ* его международныхъ классовыхъ связей—этого никто отрицать не станетъ, ибо за это говорятъ неопровержимые факты. Но марксисты связываютъ это лишь съ *опредѣленными условіями времени и мѣста;* лишь временнымъ монопольнымъ положеніемъ Англіи, напримѣръ, они объясняли ростъ вліянія націоналъ-либеральной идеологіи на англійскій пролетаріатъ, лишь запоздалымъ проявленіемъ неизбѣжныхъ спутниковъ промышленнаго подъема—экономическихъ кризисовъ и войнъ—они объясняли ростъ націоналъ-реформаторскихъ тенденцій у европейскихъ рабочихъ въ 90-хъ годахъ. Лишь въ условіяхъ органической полосы развитія, лишь долгое устойчивое равновѣсіе въ отношеніяхъ между европейскими государствами и такое же устойчивое равновѣсіе въ отношеніяхъ

между имущими классами каждаго государства содѣйствовали, по ихъ мнѣнію, въ Зап. Европѣ въ послѣдніе полвѣка суженію горизонта и росту національной ограниченности въ извѣстныхъ слояхъ европейскаго пролетаріата. Потресовъ же, подобно всѣмъ реформистамъ, возводитъ это явленіе во всеобщій абсолютный законъ. По его теоріи выходитъ, что чѣмъ больше рабочіе пріобрѣтаютъ, благодаря своей борьбѣ, вліянія въ государствѣ, тѣмъ больше ихъ партіи всюду и всегда должны превращаться въ патріотическія, иначе говоря въ націоналистическія, и этотъ законъ онъ лишь дополняетъ другимъ: націонализмъ, достигши своего апогея, *не измѣняя своей природы*, въ концѣ концовъ долженъ вырасти въ интернаціонализмъ.

А. Потресовъ, какъ нѣкогда Бернштейнъ, видитъ лишь одно явленіе, лишь одну тенденцію въ зап. европейскомъ движеніи минувшей эпохи, ту самую, которая въ первое время послѣ объявленія войны приняла внезапно размѣръ „левіафана“, онъ игнорируетъ противоложную тенденцію, которая до войны при всей своей нерѣшительности сильнѣе проявлялась, чѣмъ первая, которая питалась глубокими измѣненіями, происшедшими въ экономической и политической жизни Зап. Европы за послѣдніе полвѣка и которая имѣетъ всѣ шансы вполнѣ восторжествовать въ грядущую критическую эпоху.

Исторія уже давно медленно, но упорно тол-

кала Западно-Европейскій пролетаріатъ въ сторону международности; совершившаяся въ 60 и 70 г.г. прошлаго столѣтія консолидація центрально-европейскихъ государствъ и связанное съ этимъ постепенное замираніе въ нихъ національно-освободительныхъ движеній буржуазіи выдвинули и тамъ на первый планъ, какъ это было уже раньше во Франціи, политическій антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, антагонизмъ, имѣющій по самому существу своему международный характеръ въ современной исторіи. Эта эволюція въ Западной Европѣ, съ одной стороны, и послѣдовавшее за ней развитіе капитализма и рабочаго движенія въ Восточной Европѣ, съ другой, постепенно отнимали почву у тѣхъ „историческихъ расцѣнокъ“ разныхъ государствъ, которыя въ свое время дѣлали Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, ибо Западъ пересталъ быть исключительнымъ очагомъ радикальнаго прогресса, Востокъ пересталъ быть исключительнымъ очагомъ реакціи. Такова была вторая причина расширенія базы для пролетарской солидарности. Къ ней скоро присоединилась третья, еще болѣе дѣйственная. Параллельно съ исчезновеніемъ почвы для дѣленія народовъ на народы избранные и народы-бичи завязывается новый узелъ, тѣсно переплетавшій судьбы европейскихъ государствъ. Развитіе мірового хозяйства на капиталистической основѣ породило въ концѣ 19-го вѣка новое явленіе—буржуазный имперіализмъ, свидѣтельствовавшій о

томъ, что капитализмъ въ передовыхъ странахъ начинаетъ перерастать національно-государственныя рамки. Современный имперіализмъ пытался рѣшить проблему интернаціональности хозяйства капиталистическимъ способомъ. Онъ пытался ее рѣшить путемъ эксплоатаціи или подчиненія или поглощенія остальныхъ странъ экономически мощными, путемъ превращенія государственныхъ аппаратовъ въ покорное орудіе міровой эмансипаціи національныхъ секцій финансоваго капитала. Это вызвало лихорадку вооруженій и постоянную опасность міровыхъ войнъ, которыя въ свою очередь вызывали въ противовѣсъ себѣ противоположную тенденцію—рѣшенія той же міровой проблемы средствами международнаго коллективизма. Таковъ былъ третій и наиболѣе сильный факторъ, толкавшій пролетаріатъ въ сторону международности.

Мы видимъ, что главныя историческія предпосылки для развитія международнаго рабочаго движенія возникли именно въ минувшую эпоху 2-го интернаціонала и процессъ пропитыванія этого движенія духомъ международности въ дѣйствительности сдѣлалъ въ послѣдніе полвѣка очень большіе успѣхи по сравненію съ эпохой перваго интернаціонала. 1-й интернаціоналъ, базировавшійся на самыхъ зачаточныхъ, а потому и не дифференцированныхъ проявленіяхъ рабочаго движенія, не могъ пережить и первыхъ попытокъ образованія національныхъ рабочихъ партій, при-

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

способлявшихъ свою политическую работу къ разнообразнымъ національнымъ обстановкамъ. Начало возникновенія этихъ партій было главной причиной его распада, несмотря на то, что это былъ необходимый этапъ въ развитіи рабочаго движенія, ибо, какъ говорилъ еще „Манифестъ 47 г.“, пролетаріатъ стоитъ прежде всего передъ необходимостью... возысить себя до національнаго класса, конституировать себя самаго, какъ націю. Въ эпоху 2-го Интернаціонала тѣ же національныя рабочія партіи, несмотря на ихъ обособленное организаціонное существованіе, послужили горнилами, въ которыхъ выковывалась тактика несравненно болѣе сложная и тѣмъ не менѣе несравненно болѣе принципіально однородная, чѣмъ тактика различныхъ секцій 1-го Интернаціонала. Напомнимъ, что въ то время, какъ однѣ изъ секцій 1-го Интернаціонала уже шли подъ флагомъ марксизма, другіе продолжали идти, или вступая на путь трэдъ-юніонизма, или бланкизма, какъ Бакунизма, или Прудонизма. Во 2-мъ Интернаціоналѣ эта хаотичность движенія исчезла, причемъ единство въ немъ отнюдь не было куплено цѣной компромиссовъ съ націонализмомъ во всѣхъ случаяхъ, когда узко-національные интересы рабочихъ приходили въ коллизію съ ихъ международными интересами, напримѣръ, въ вопросахъ колоніальной политики, профессіональной тактики, эмиграціи и проч. ихъ партіи подчиняли первые интересы вторымъ. Больше того, въ эпоху 50—

60 г.г. лучшія головы въ рабочемъ движеніи— Марксъ, Либкнехтъ, Лассаль и др., не могли еще столковаться въ вопросахъ международной политики. Въ эпоху второго Интернаціонала, наканунѣ того, какъ грянулъ громъ міровой войны, по всѣмъ этимъ вопросамъ достигнуто было почти полное единогласіе на Базельскомъ конгрессѣ, на которомъ представлены были многочисленные партіи Новаго и Стараго Свѣта.

Международность, такимъ образомъ, въ послѣднія десятилѣтія, чрезвычайно выиграла по сравненію съ эпохой 1-го Интернаціонала. И все-таки интернаціоналъ распался въ моментъ міровой катастрофы. Чѣмъ это объяснить? Чѣмъ объяснить, что на Западѣ не только опортунистическія партійныя меньшинства, которыя и раньше были націоналистически настроены, но и партійныя большинства, стоявшія принципіально на международной точкѣ зрѣнія, перемѣнивъ фронтъ, сразу заняли націоналистическую позицію. Мы уже указывали въ общихъ чертахъ на причину этой внезапной перемѣны. Когда разразилась катастрофа, западныя рабочія партіи (такъ же какъ и восточныя) не могли, скрестивъ руки, равнодушно созерцать великую опасность, надвигающуюся на ихъ родину, и грозящую разрушить основныя жизненныя условія всей ихъ работы. Передъ ними, поэтому, сразу стала во всей ея остротѣ, дилемма: либо довѣриться, ради огражденія интересовъ родины, своей имперіалистиче-

ски настроенной національной буржуазіи, порвавъ связи международной солидарности и измѣнивъ своимъ принципамъ, либо повернуться спиной къ своей національной буржуазіи въ моментъ наивысшаго напряженія и наибольшаго сплоченія ея силъ, рискуя вслѣдствіе этого подвергнуть опасности разгрома всю свою организацію, и искать активной поддержки въ дѣлѣ защиты законныхъ интересовъ родины у классовыхъ союзниковъ, отдѣленныхъ отъ нихъ въ военное время непроницаемой стѣной. Но въ минувшую эпоху, начиная съ 70 г.г. прошлаго вѣка, западно-европейскій пролетаріатъ ни разу еще не вступалъ въ такой острый конфликтъ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ и ни разу еще за это время пролетаріатъ одной страны при огражденіи своихъ національно-пролетарскихъ интересовъ не получалъ на дѣлѣ непосредственно активной поддержки со стороны пролетаріата другихъ странъ. Поэтому второй путь, соотвѣтствовавшій формальнымъ обязательствамъ, взятымъ на себя всѣми частями 2-го Интернаціонала, представлялся западно-европейскимъ рабочимъ партіямъ страшнымъ скачкомъ въ неизвѣстное, на который у нихъ не хватило рѣшимости.

Во всѣ періоды органическаго развитія общества *„сознаніе“* сильно отстаетъ отъ *„бытія“* и западно-европейскій пролетаріатъ, пока громъ не грянулъ, не могъ себѣ конкретно представить, до какой степени судьба его движенія въ національ-

нально-государственныхъ рамкахъ тѣсно связана въ современную эпоху съ судьбой международнаго движенія, до какой степени въ эту эпоху непрочны успѣхи національныхъ движеній при отсутствіи согласованныхъ международныхъ дѣйствій и никакія искусственныя мѣры внушенія не могли пропитать его этимъ сознаніемъ, пока исторія ему не дала великаго нагляднаго урока.

Руководящіе элементы 2-го Интернаціонала на Западѣ всегда болѣе или менѣе отдавали себѣ отчетъ въ этомъ характерномъ для минувшей эпохи противорѣчіи между зрѣлостью объективныхъ историческихъ условій для постановки великихъ задачъ и относительной незрѣлостью субъективнаго историческаго фактора относительной національной ограниченностью сознанія массъ, несмотря на всѣ крупныя завоеванія, которыя идея международности уже успѣла сдѣлать въ послѣднія десятилѣтія въ этой средѣ. Вождей 2-го Интернаціонала на Западѣ гораздо больше пугала перспектива войны, чѣмъ Маркса, Энгельса и Лассаля и этотъ страхъ не въ малой степени объяснялся предчувствіемъ, что международность массъ такого испытанія еще не выдержитъ. Поэтому они, усиленно думая надъ тѣмъ, какъ предупредить войну, какъ будто боялись серьезно задуматься надъ вопросомъ, что же дѣлать, если она все же разразится. Поскольку же имъ все же приходилось подымать завѣсу будущаго, они высказывали сплошь и рядомъ взгляды отнюдь не

вытекавшіе изъ ихъ же собственной характеристики современной имперіалистической эпохи и даже прямо противорѣчившіе этой характеристикѣ. Сознаніе, что международность массъ еще не поднялась до уровня запросовъ времени и боязнь быть покинутыми ими въ критическую минуту нерѣдко побуждала вождей 2-го Интернаціонала закрывать глаза на дѣйствительность и подходить къ ожидаемымъ ими міровымъ конфликтамъ съ мѣрилами, соотвѣтствовавшими лишь давно минувшимъ историческимъ условіямъ, съ мѣрилами, которыя можно было примѣнять, и то съ большими оговорками еще только къ войнамъ средины прошлаго вѣка... Сознаніе относительной незрѣлости массъ нерѣдко побуждало ихъ опредѣлять позицію отдѣльныхъ партій на случай грядущей войны въ зависимости отъ того, будетъ ли это оборонительная или наступательная война, будетъ ли эта война для отраженія „прусской“ или „русской опасности“, будетъ ли эта война „прогрессивной націи“ противъ „реакціонной націи“ или наоборотъ. Какъ будто они жили еще во времена Гарибальди, во времена національно-освободительныхъ войнъ...

Та же оцѣнка настроенія массъ и связанное съ этимъ желаніе придумать какую-нибудь мѣру предупрежденія войны, не требующую отъ массъ героическихъ усилій, побуждала ихъ, опять таки вопреки ихъ собственному анализу современнаго историческаго положенія, цѣпляться за пацифист-

скіе рецепты, заимствованные изъ кухни добрыхъ гуманистовъ-демократовъ первой половины прошлаго вѣка. Такъ возникали надежды на превращеніе Гаагской конференціи въ орудіе прочнаго мира, на превращеніе въ такое же орудіе нѣкоторыхъ „альянсовъ", на дипломатическое соглашеніе на счетъ разоруженія и т. д. Все это свидѣтельствовало, повторяемъ, не столько о непониманіи вождями международнаго положенія, сколько объ ихъ предчувствіи, что пролетаріатъ въ близкомъ будущемъ не способенъ будетъ еще справиться съ чрезвычайно трудными проблемами, вытекающими изъ этого положенія и изъ боязни очутиться въ критическую минуту въ положеніи вождей безъ арміи.

Учитывая всю эту ситуацію, глубоко проницательный Фридрихъ Энгельсъ еще въ 90 г.г. въ письмѣ къ Бебелю пророчески предсказалъ, что если разразится европейская война, она временно затронетъ шовинизмъ и взорветъ какъ нѣмецкую, такъ и французскую партію.

Подводя итогъ нашей характеристикѣ западно-европейскихъ партій эпохи 2-го Интернаціонала, мы должны сказать, что онѣ стояли, вопреки утвержденію Потресова, не подъ знакомъ патріотизма, а подъ знакомъ международности, но недоразвитой и нерѣшительной и, говоря словами того же Энгельса, засоренной „массой мелочей и предразсудковъ, которые вездѣ сейчасъ тормозятъ движеніе". Вотъ эти-то недочеты и противорѣчія

международности 2-го Интернаціонала, вотъ этотъ-то гамлетизмъ движенія по духу международнаго, Потресовъ сейчасъ заднимъ числомъ изображаетъ въ видѣ пламеннаго патріотизма, воспитаннаго эпохой борьбы за гражданскія права. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы, беря примѣры изъ Германіи, не Бебеля и Каутскаго, а Шиппеля и Вольфганга Гейне представить центральными фигурами 2-го Интернаціонала, да еще перекрасить филистеровъ въ родѣ Гейне въ новѣйшихъ Дантоновъ 4-го сословія.

Иное умонастроеніе царило въ минувшую эпоху въ россійскомъ 4-мъ сословіи. Россія есть несравненно менѣе благопріятная почва для развитія подлинной международности, чѣмъ Западъ. Она представляетъ собой еще настоящее Пошехонье по сравненію съ западными государствами, она несравненно менѣе тѣсно связана съ міровымъ хозяйствомъ, чѣмъ они; ея буржуазное общество до послѣдняго десятилѣтія еще почти исключительно интересовалось вопросами внутренней жизни, внутренней политики и экономики. Передъ Россіей стояла (и стоитъ) еще мѣстная общенаціональная проблема, которая на Западѣ давно была такъ или иначе ликвидирована и которая у насъ въ значительной степени маскировала *принципіальный* антагонизмъ между „4-мъ сословіемъ“ и всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, включая наиболѣе демократическіе его элементы, а какъ разъ этотъ антагонизмъ имѣетъ въ совре-

менной европейской жизни наиболѣе международный характеръ. Повторяемъ, жизнь въ Россіи сама по себѣ гораздо менѣе, чѣмъ западно-европейская, толкаетъ мысль въ сторону международности, она сама по себѣ открываетъ гораздо менѣе широкіе международные горизонты. Это особенно бросается въ глаза сейчасъ, во время войны. Если сопоставить сейчасъ русскую буржуазную печать съ англійской или нѣмецкой, то первая прямо поражаетъ своимъ провинціализмомъ.

Но Россія во время 2-го Интернаціонала въ отличіе отъ Запада переживала, а съ начала 20-го вѣка остро переживаетъ, критическую полосу развитія, предрасполагавшую движеніе его „4-го сословія“ къ яркому радикализму и предохранявшую его отъ оппортунизма. А такъ какъ въ Западной Европѣ, на которую Россія обращаетъ свои взоры, радикализмъ въ современную историческую эпоху можетъ ужиться и уживается уже только съ послѣдовательнымъ международнымъ коллективизмомъ, то естественно, что чѣмъ больше въ Россіи обострялась пролетарская борьба за осуществленіе ея національной проблемы, тѣмъ тѣснѣе это движеніе стремилось связать себя съ идеологіей послѣдовательной международности, тѣмъ тѣснѣе это движеніе стремилось связать себя съ лѣвымъ ортодоксально-марксистскимъ крыломъ коллективизма на Западѣ. Въ результатѣ получился любопытный историческій парадоксъ: въ отсталой странѣ, гдѣ рабочее дви-

женіе преслѣдовало еще мѣстную обще-національную цѣль буржуазнаго преобразованія строя, оно идейно шло подъ флагомъ болѣе яркой международности, чѣмъ рабочее движеніе на Западѣ, стоявшее уже непосредственно передъ проблемами международнаго характера.

Мы приведемъ три примѣра для иллюстраціи этого парадокса; мы могли бы ихъ привести несравненно больше. Какъ разъ тогда, въ началѣ 900 гг., когда россійская пролетарская демократія стала перестраивать свои ряды, чтобы сосредоточить всѣ свои силы и всю свою энергію для рѣшенія отечественной національной проблемы, какъ разъ тогда, когда она въ практикѣ своей выдвинула на первый планъ общедемократическія задачи движенія, она всю свою партійно-преобразовательную работу тѣснѣйшимъ образомъ связала съ международной идейной борьбой марксизма противъ бернштейніанства. Второй примѣръ: когда во время японской войны одна изъ центральныхъ фигуръ 2-го интернаціонала, болѣе чѣмъ кто бы то ни было изъ его членовъ, интересовавшаяся вопросами международной политики, когда Жоресъ предложилъ прибѣгнуть къ дипломатическому посредничеству для скорѣйшаго заключенія мира, всѣ коллективистскія теченія въ Россіи, не исключая нашихъ самобытниковъ—лѣвыхъ народниковъ, единодушно отвергли такой методъ ликвидаціи войны во имя принциповъ послѣдовательнаго международнаго коллективизма. Нужно ли доказывать, что

расхожденіе россіянъ съ Жоресомъ вытекало не изъ большей связанности россіянъ съ международнымъ движеніемъ, а изъ меньшей склонности послѣднихъ къ оппортунизму, что въ свою очередь объяснялось острымъ демократическимъ конфликтомъ россійскаго 4-го сословія съ россійской государственностью. Третій примѣръ: когда въ Штутгартѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ поступить пролетарской демократіи въ случаѣ, если разразится европейская война, вопросъ, неправильное рѣшеніе котораго, должно было отразиться гораздо болѣе роковымъ образомъ на судьбѣ западныхъ партій, чѣмъ на судьбѣ россійской, недвусмысленная резолюція, принятая конгрессомъ, меньше всего споровъ вызвала именно въ россійской делегаціи.

Вытекаетъ ли изъ всего этого, что Россія призвана „спасать Европу“, что именно „восточные праведники“ призваны нести „просіяніе ума европейскому грѣшному міру“. Потресовъ, повидимому, полагаетъ, что у всѣхъ россійскихъ международниковъ, не раздѣляющихъ его *„новой методы“* имѣется такая „смѣшная претензія“. Онъ глубоко заблуждается. Мы не станемъ отрицать, что въ отсталой Россіи найдутся сектанты, питающіе сейчасъ такіе надежды; въ частности, мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что распадъ интернаціонала окрылилъ такими надеждами тѣхъ, которые давно думали удивить міръ своей теоріей сочетанія марксизма съ якобинствомъ. Но россійское между-

народное теченіе въ цѣломъ за это отнюдь не отвѣтственно и менѣе всего за него отвѣтственны тѣ международники, которые всегда считали своей главной задачей примѣненіе нефальсифицированнаго марксизма къ русскимъ условіямъ жизни.

Мы вполнѣ отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что Россія гораздо меньше созрѣла для „подлинной международности“, чѣмъ европейскій Западъ. Если тѣмъ не менѣе оказалось, что въ Россіи міровая катастрофа не вызвала такого острaго кризиса международности, какъ на Западѣ, то это, по нашему мнѣнію, объясняется лишь тѣмъ, что Россія переживала критическую эпоху развитія въ то время, какъ Западъ находился въ полосѣ развитія органическаго. Но эта полоса приходитъ и на Западѣ къ концу. Міровая война въ этомъ отношеніи явится навѣрно повторнымъ пунктомъ въ исторіи. Мы нисколько не сомнѣваемся, что когда ея уроки и ея послѣдствія будутъ осознаны массами, международность получитъ на Западѣ небывалый еще размахъ и что она будетъ несравненно болѣе подлинной, чѣмъ россійская, являющаяся сплошь и рядомъ лишь внѣшней оболочкой для элементарнаго политическаго радикализма.

Но отвергая такимъ образомъ идею восточнаго мессіанизма, мы еще рѣшительнѣе отвергаемъ тотъ худой сортъ *„западничества“*, который проповѣдуетъ сейчасъ Потресовъ и иже съ нимъ. Мы отвергаемъ рѣшительно то западничество, согласно которому мы обязаны плестись въ хвостѣ дви-

женія нашихъ старшихъ западныхъ братьевъ, продѣлывая съ великимъ запозданіемъ всѣ его зигзаги и всѣ его уклоненія отъ прямого пути. Мы отвергаемъ совѣты Потресова, ибо не хотимъ, говоря словами Н. Михайловскаго, уподобиться кухаркѣ, щеголяющей въ поношенныхъ шляпахъ своей барыни.

IV. Куда держитъ путь европейскій востокъ.

Мы не хотимъ носить поношенныхъ шляпокъ, но европейская барыня на часть русскихъ коллективистовъ все-таки эти шляпки напялила. Мы не думаемъ, однако, чтобы онѣ вошли у насъ въ моду и чтобъ эта мода у насъ долго продержалась; слишкомъ ужъ онѣ не соотвѣтствуютъ приближающемуся сезону и россійскому климату.

Четвертыя сословія Франціи и Германіи въ началѣ войны восприняли *„новую методу“* совершенно независимо другъ отъ друга подъ вліяніемъ общинъ причинъ, коренившихся въ условіяхъ минувшей полосы развитія Западной Европы. Что это было такъ, что тамъ новый курсъ не былъ вызванъ подражаніемъ или воздѣйствіемъ одной страны на другую, видно хотя бы изъ того, что однородныя рѣшенія двухъ партій, имѣвшія для нихъ роковое значеніе были приняты ими въ обѣихъ странахъ въ одинъ и тотъ же день.

Не такъ обстояло дѣло въ Россіи. Здѣсь застрѣльщики новой методы усвоили ее и начали ее

проповѣдовать лишь послѣ того, какъ имъ стало извѣстно о крахѣ Интернаціонала на Западѣ и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого краха; откликъ же ихъ пропаганда стала находить въ болѣе или менѣе широкихъ кругахъ россійскаго 4-го сословія еще значительно позже, приблизительно черезъ годъ. Уже этотъ фактъ показываетъ, какъ мало былъ для „новой методы“ благопріятенъ россійскій климатъ съ его бурями и непогодами.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ Россіи, переживавшей и продолжающей переживать критическую эпоху, ни одинъ коллективистъ не додумался бы до новой методы и не рѣшился бы ее пропагандировать, если бы крахъ 2-го интернаціонала на Западѣ не вызвалъ и у насъ идейной реакціи, еслибы этотъ крахъ не поколебалъ бы всѣхъ авторитетовъ и всѣхъ завѣтовъ и не породилъ бы великой смуты въ умахъ.

Но разница между условіями политической жизни восточной и западной Европы сказалась не только въ томъ, что на Востокѣ кризисъ международности имѣлъ отраженный характеръ. И по содержанію своему эти кризисы не совсѣмъ однородны: на Западѣ „новая метода“ связывалась преимущественно съ внѣшне оборонительными цѣлями, на Востокѣ преимущественно съ внутренне оборонительными цѣлями надеждами. И это могло бы служить оправданіемъ для восточныхъ „новаторовъ“, если бы они со своей новизной не опоздали примѣрно лѣтъ на сто, еслибы было вѣрно, какъ

утверждаетъ Львовъ-Рогачевскій, что „мы переживаемъ вновь событія 12-го года, если бы международная обстановка, въ которой находится современная Россія, и ея соціально-экономическая структура напоминали бы то отдаленное время, если бы Россія съ тѣхъ поръ пребывала въ замороженномъ состояніи.

Какъ бы то ни было, объективная подкладка новаго курса была не та, что на Западѣ. Правда, и въ этомъ отношеніи абсолютной грани между Западной и Восточной Европой провести невозможно. Эрве и Самба, Легіенъ и Зюдекумъ взяли новый курсъ тоже не исключительно ради защиты „національно-государственныхъ особенностей“ ихъ отечествъ отъ внѣшнихъ посягательствъ. Они всѣ утверждаютъ, что и послѣ войны ихъ партіи должны будутъ поддерживаться новой внутренней оріентаціи, ибо они связываютъ съ ней, если не освободительныя, то мирно-обновленческія надежды, ибо они ожидаютъ, что патріотическо-національный курсъ пролетарской демократіи побудитъ государственную власть къ проведенію важныхъ внутреннихъ реформъ соціальнаго и политическаго характера. Съ другой стороны часть россійскихъ „новаторовъ“, именно „призывцы“, выставили такую ближайшую программу дѣйствій и рекомендовали такую тактику, которыя превратили ихъ въ покорныхъ слугъ имперіалистскаго кадетско-октябристскаго блока и которыя абсолютно уподобили этихъ „освободителей“ нѣмецкимъ охранителямъ,

какъ Зюдекумъ. Но разница между Западомъ и Востокомъ сказалась въ томъ, что Зюдекумы у себя дома задавали тонъ всей оффиціальной политикѣ рабочей демократіи, между тѣмъ какъ „призывцы“ среди сознательныхъ элементовъ 4-го сословія никакого или почти никакого успѣха не имѣли. Извѣстный откликъ въ этой средѣ и то не сразу встрѣтили лишь „условные“ сторонники „новой методы“, которые сходясь съ „призывцами“ въ оцѣнкѣ міровыхъ событій, которые, „пріявъ“ войну и солидаризируясь съ поведеніемъ западныхъ коллективистовъ одной коалиціи, отличались однако отъ „призывцевъ“ въ двухъ отношеніяхъ: они, во-первыхъ, подчеркивали, что не сочувствуютъ имперіалистическимъ захватнымъ стремленіямъ отечественной буржуазіи и признаютъ лишь наше право на самозащиту; они, во-вторыхъ, активное участіе въ осуществленіи этого права въ Россіи обусловливали предварительнымъ рѣшеніемъ россійской внутренней національной проблемы. Въ этихъ предѣлахъ они, въ отличіе отъ „призывцевъ“, сохранили связь съ нашими освободительными традиціями.

Что въ Россіи имѣла успѣхъ, и то частичный, лишь лѣвая разновидность моднаго теперь коллективистическаго ревизіонизма, является, какъ мы не разъ указывали, специфическими условіями россійской политической жизни.

Имперіализмъ россійской буржуазіи, въ отличіе отъ имперіализма буржуазіи высоко развитыхъ ка-

питалистическихъ странъ, вторичнаго происхожденія. Въ Россіи капитализмъ далеко еще не переросъ національно-государственныхъ рамокъ. У насъ капиталу еще не стало тѣсно; у насъ, напротивъ того, по прежнему еще стоитъ на очереди вопросъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ. При такихъ условіяхъ имперіалистическія тенденціи россійской буржуазіи могли укрѣпиться и дѣйствительно укрѣпились главнымъ образомъ по причинамъ политическаго свойства. Онѣ не случайно восторжествовали въ нашей буржуазной средѣ лишь въ 3-е іюньскую эпоху, ибо ихъ главный источникъ было желаніе ускорить процессъ капиталистическаго накопленія и процессъ буржуазнаго преобразованія Россіи безболѣзненнымъ для буржуазіи обходнымъ путемъ, минуя такую аграрную реформу и такую ломку старыхъ устоевъ, при которыхъ и буржуазіи пришлось бы сильно *потѣсниться* въ переходное время. И наша отсталая страна могла вести съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ имперіалистскую политику, лишь по сколько она имѣла возможность до поры до времени эксплоатировать въ свою пользу антагонизмъ двухъ могущественныхъ экономическихъ соперниковъ въ Западной Европѣ, ведущихъ между собой борьбу за міровое господство. Но война показала, какъ шатка та почва, на которой собирались строить зданіе обновленной Россіи наши отечественные имперіалисты.

Когда война съ ея злоключеніями обнажила

язвы россійской жизни, наша либеральная буржуазія рѣшила, что наступилъ наконецъ моментъ, чтобы пожать плоды своей политики *„отвѣтственной оппозиціи“*. Она была увѣрена, что, выступивъ въ минуту великой опасности, угрожающей отечеству въ роли Мининыхъ и Пожарскихъ, она сразу сдѣлалась хозяиномъ положенія въ странѣ. Очень скоро обнаружилось, что это были безсмысленныя мечтанія. Почти десятилѣтній имперіалистическій курсъ, связавшій ее круговой порукой съ бюрократіей и сдѣлавшій ее въ той же мѣрѣ отвѣтственной за бѣдствія, обрушившіяся на страну, превратили ее въ плѣнника бюрократіи, заставили ее держать равненіе на октябризмъ, заставили ее объединиться съ октябристами и націоналистами въ одинъ блокъ, который, благодаря составу своему способенъ былъ лишь разстрѣливать свой порохъ въ безплодныхъ ламентаціяхъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Огромные запросы, которые война ставила хозяйству нашего отсталаго отечества, ставили его въ тяжелую финансовую зависимость отъ богатыхъ друзей и у многихъ вслѣдствіе этого стали возникать сомнѣнія: не попадетъ ли Россія удачнымъ исходомъ войны освобожденная „отъ нѣмецкаго засилья“ въ другое не менѣе стѣснительное. Все это вмѣстѣ взятое, если и не скомпрометировало окончательно россійскій имперіализмъ въ глазахъ нашего буржуазнаго общества, то все же побудило извѣстные его круги, которые въ прошломъ менѣе причастны

были къ дипломатической игрѣ, чѣмъ верхи к.-д. партіи, удѣлить гораздо болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ это дѣлали к.-д., больнымъ вопросамъ нашей внутренней жизни и искать ради спасенія отечества поддержки не у октябристовъ, а у „друзей слѣва“ при непремѣнномъ впрочемъ условіи, чтобы послѣдніе не вносили рѣзкаго диссонанса въ общенаціональное дѣло. Сходное настроеніе овладѣло широкими кругами мѣщанства, которые высокой политикой вообще не занимались и у которыхъ инстинктъ національнаго самосохраненія впервые пробудился къ политической жизни. Такъ война, приведшая на западѣ къ тѣсному „сотрудничеству классовъ“, въ Россіи, благодаря ея исключительному положенію, благодаря ея экономической отсталости, привела наоборотъ къ обостренію противорѣчій въ средѣ имущихъ классовъ. Вотъ это то послѣдствіе войны, вотъ этотъ то переходъ „нашей буржуазной общественности“ къ наступленію противъ виновниковъ разрухи, наступленію, совершившемуся подъ защитнымъ флагомъ, открывая нѣкоторый просторъ для самодѣятельности „4-го сословія“, создавая въ этой средѣ „благопріятную“ почву для воспріятія идей „условныхъ защитниковъ“ „новой методы“, которыя по всей вѣроятности съ самаго начала на такую именно перспективу болѣе или менѣе сознательно разсчитывали,—все это облегчаетъ намъ пониманіе ихъ поведенія.

Но чтобы *оправдать* это свое поведеніе

„условные защитники“ „новой методы“ должны были бы показать, что же собственно „4-е сословіе“, идеологами котораго они продолжали себя считать, что же оно подъ новымъ знаменемъ можетъ внести своего въ стихійный процессъ обостренія противорѣчій, не имъ вызванный, какъ оно при помощи „новой методы“ сможетъ использовать этотъ процессъ для своихъ коллективистскихъ цѣлей и для цѣлей послѣдовательной демократіи.

Для извѣстныхъ круговъ нашего мелкобуржуазнаго мѣщанства поднятіе „защитнаго флага“ означало первый шагъ ихъ пріобщенія къ политической жизни вообще. Для „прогрессистскихъ“ круговъ промышленной буржазіи большее подчеркиваніе защитныхъ цѣлей по сравненію съ имперіалистическими свидѣтельствовало о нѣкоторомъ поворотѣ налѣво. Для „4-го сословія“, наоборотъ, поднятіе флага означало крутой поворотъ направо, означало паденіе съ высоты международной идеологіи. Но такое паденіе не могло пройти безслѣдно не только для коллективистскаго настроенія, но и для демократизма „4-го сословія“, и его идеологовъ. Не случайно „условные защитники“ новой методы сплошь и рядомъ скатывались даже со своей собственной позиціи. Не случайно они, дружно напавъ на народниковъ, до сихъ поръ не нашли нужнымъ опредѣленно отмежеваться отъ призывцевъ. Не случайно „условный защитникъ“ новой методы Череванинъ скатился на „призывническую“ позицію, заявивъ, что настала пора для

перехода отъ „непротиводѣйствія“ къ „участію“. Не случайно П. Масловъ, начавъ съ восхваленія англійской свободной торговли, которая, дескать, послѣ побѣды „4-го сословія“ избавить міръ отъ новыхъ войнъ, договорился до теоріи Фр. Листа, до защиты отечественнаго протекціонизма, какъ необходимой воспитательной мѣры. Не случайно Гвоздевъ, начавъ съ чтенія извѣстныхъ декларацій, докатился до своихъ „приснопамятныхъ“ рѣчей во время хожденія по мытарствамъ. И все это были не только плоды обычной психологіи отступающихъ отрядовъ. Корень этихъ новыхъ паденій и шатаній лежалъ глубже; въ нихъ, какъ въ каплѣ воды, отразилось крупное явленіе, глубокое противорѣчіе между новой методой во всѣхъ ея разновидностяхъ съ основными условіями современнаго историческаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли сейчасъ у насъ совершенно изолированное отъ зарубежнаго міра и само себя изолирующее отъ него сколько нибудь успѣшное демократическое движеніе. Мыслимо ли у насъ сейчасъ такое движеніе безъ тѣсной связи съ международнымъ движеніемъ „4-го сословія“.

Это возможно было въ минувшую эпоху: теперь такая перспектива становится все болѣе и болѣе безпочвенной реакціонной утопіей. Чтобы убѣдиться, куда влечетъ насъ исторія, достаточно сопоставить современный подъемъ въ буржуазномъ обществѣ въ Россіи съ тѣмъ, который оно переживало въ связи съ предыдущей вой-

ной. Сейчасъ гегемонія въ движеніи принадлежитъ не „4-му сословію“, а буржуазіи; сейчасъ послѣдняя творила у насъ общественное мнѣніе, задавала тонъ почти всей печати, вела за собою буржуазно-демократическіе слои населенія и всю. такъ называемую, демократическую интеллигенцію. И въ самой буржуазной оппозиціи, если не въ Думѣ, то, что гораздо важнѣе, въ странѣ первую скрипку играли не представители междуумочной кадетской партіи, нѣкогда заигрывавшіе съ соціалъ-реформаторскимъ коллективизмомъ, а крупные промышленники, стоящіе на уровнѣ современной международной крупно-капиталистической идеологіи. Въ ней первую скрипку играли не Муромцевы, Герценштейны и Милюковы старой марки, а Рябушинскіе и Коноваловы. Это обстоятельство, правда, сильнѣе бронируетъ современное движеніе нашего буржуазнаго общества противъ натиска справа; почвенная буржуазія, поднявшаяся до пониманія своихъ классовыхъ или хотя бы групповыхъ политическихъ интересовъ, оказалась, какъ и можно было ожидать, сравнительно менѣе безхребетной, чѣмъ кадетскіе посредники. Но это же обстоятельство еще болѣе бронируетъ движеніе противъ демократическихъ притязаній слѣва. Чтобы въ такой атмосферѣ обуржуазивающейся Россіи наложить свой отпечатокъ на движеніе и чтобы направить его въ демократическое русло, наше „4-е сословіе“ должно, очевидно, гораздо упорнѣе, чѣмъ оно это дѣлало раньше, отстаивать свою са-

мостоятельность, а это возможно лишь при одномъ условіи—при сохраненіи вѣрности принципамъ международнаго коллективизма. Такова современная историческая ситуація. А какъ учли ее наши „новаторы“. Собираясь дома въ походъ „за гражданственность“, сирѣчь за демократическое преобразованіе, они выкидываютъ флагъ, который на Западѣ привелъ къ полной капитуляціи демократіи передъ имперіализмомъ. Но это не все. Если уже десять лѣтъ тому назадъ наши заграничные „друзья“ и „союзники“ бросали палки подъ колеса россійской демократіи во время самаго труднаго подъема въ гору, то во сколько разъ охотнѣе они это будутъ дѣлать сейчасъ, когда имперіалистическая реакція всюду крѣпнетъ, когда въ Западной Европѣ назрѣваютъ внутренніе конфликты давно небывалой тамъ остроты, когда инстинктъ самосохраненія долженъ внушить имперіализму сильнѣйшую потребность установленія міровой круговой поруки. Это положеніе вещей уже не только идеологически, но и практически связываетъ судьбу россійской національной проблемы съ судьбой международнаго движенія „4-го сословія“. И въ такое время наши коллективисты—новаторы изъ національныхъ мотивовъ содѣйствуютъ разрыву международныхъ связей. Это ли не свидѣтельство о реалистическомъ пониманіи дѣйствительности.

Въ итогѣ мы можемъ сказать—Россія настолько отстала во всѣхъ отношеніяхъ отъ Запада, что

она можетъ еще себѣ позволить роскошь выдѣленія изъ міровой проблемы и постановки на первую очередь своей частной національной проблемы. Но Западная Европа уже настолько ушла впередъ и судьбы всѣхъ европейскихъ государствъ уже такъ тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, что рѣшеніе россійской проблемы мыслимо лишь при условіи самаго тѣснаго сотрудничества россійской демократіи съ международной. Поэтому россійской демократіи некогда повторять зады, некогда донашивать пришедшіе въ негодность западно-европейскіе костюмы. Чтобы „дорваться до Европы“, ей нужно обращать свои взоры не назадъ, а на ея передовыя теченія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Назадъ къ Пушкину	7
II. „Историческій законъ“ и историческая правда .	10
III. Патріотическій западъ и россійскіе „недоросли“.	24
IV. Куда держитъ путь европейскій востокъ . . .	45

Издательство и книжный складъ **„КНИГА"**

ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., 11, тел. 648-62.

МОСКВА, Б. Садовая, 10, Пигитъ кв. 33. Тел. 5-60-22

МУТЬ.

Ф. Ласковая.

Разсказы.

Муть. — Опавшіе листья. — Лицомъ къ лицу.—Осеннее.

Цѣна **1** руб. **75** коп.

ЧТО СЛУЧИТСЯ

Г. Дж. Уэллсъ.

Романъ.

Переводъ **В. Майскаго.**

КНИГА.

Сборникъ I.

Р. Григорьевъ.—*Въ лазаретѣ.* Е. Замятинъ.—*Подъ колпакомъ.* Ив. Новиковъ.—*Время просыпается.* А. Соболь—*Законъ.* А. Окуловъ.—*Золотые огни.* Б. Шишковъ.—*Стуколка.*

Цѣна **2** руб.

ГАСПАРЪ.

Рене Бенжамэнъ

Романъ.

Переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ,
Стремянная ул., 11,
тел. 648-62.

Б. Садовая, 10, кв. 33,
тел. 5-60-22.
МОСКВА.

МАРКСИЗМЪ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА.
Сборникъ статей В. Майскаго, Энзиса и Velox'a.
Изданіе второе.
Цѣна 70 коп.

В. Базаровъ. ОКОЛО ВОЙНЫ И МИРА.

А. Ерманскій. МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬИ.
О сборникѣ „Самозащита“.
Изданіе второе.
Цѣна 75 коп.

А. Потресовъ. ИНТЕРНАЦІОНАЛИЗМЪ И КОСМОПОЛИТИЗМЪ.
Двѣ линіи демократической политики.
Цѣна 75 коп.

А. Мартыновъ. Международность на Западѣ и на Востокѣ.
Цѣна 55 коп.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., 11, тел. 648-62.

МОСКВА, Б. Садовая, 10, Пигитъ, кв. 33. Тел. 5-60-22.

ВЪ ТАЙГѢ.

Вл. Войтинскій. **По Сибири.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ странѣ организаціи.

М. Лурье. Письма о Германіи.

Цѣна 2 рубля.

К. Каутскій. **Еврейство и раса.**

Переводъ М. Гиринской.

В. Ежовъ. **Рабочая кооперація и ея задачи.**

Цѣна 40 коп.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., 11, тел. 648—62.

МОСКВА, Б. Садовая, 10, кв. 33. Тел. 5—60—22.

К. Каутскій.

Государство, нація и имперіализмъ.

Перев. подъ ред. Ю. Ларина (печат.).

Мои воспоминанія.

Адельгейда Поппъ.

Жизнь работницы.

Переводъ Е. Бѣлинской.

Вл. Беренштамъ.

Въ огнѣ защиты.

Цѣна 1 рубль.

Библіотека больничной кассы

Какъ построить лечебницу больничной кассы для семей участниковъ.

Сборникъ статей.

Н. А. Вигдорчикъ. Д-ръ.

Съ приложеніемъ образцовъ уставовъ, инструкцій и др. матер. по вопросамъ организаціи лечебницъ больничн. кассъ.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

Въ провинцію книги высылаются наложен. платежомъ.

Издательство и книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ,
Стремянная ул., 11.
тел. 648-62.

МОСКВА,
Б. Садовая, 10, Пигитъ,
кв. 33. Тел. 5-60-22.

Книжный магазинъ „КНИГА“ принимаетъ на себя:

Высылку всѣхъ книгъ имѣющихся въ продажѣ.

Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, рабочихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библіотекъ.

Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.

Періодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія и библіотеки.

Книжный магазинъ принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.

Земскія и городскія учрежденія, больничныя кассы, профессіон. о-ва, учебныя заведенія, библіотеки и др. просвѣтительныя учрежденія пользуются скидкой.

Справочный отдѣлъ „КНИГИ“ принимаетъ на себя:

составленіе и пополненіе, съ тщательнымъ выборомъ, общественныхъ, земскихъ, частныхъ, товарищескихъ, народныхъ и ученическихъ библіотекъ;

выдачу справокъ, касающихся вопросовъ образованія и самообразованія;

указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ;

составленіе небольшихъ библіотекъ изъ избранныхъ рекомендованныхъ изданій.

Книжный складъ проситъ сообщать адреса лицъ, интересующихся книгой для регулярной высылки имъ каталоговъ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРОФЕССУРЫ

ТИПОГР. И ЦИНКОГР. Э. Ф. ГЕШМУТЪ.
ПЕТРОГРАДЪ, ДЕМИДОВЪ ПЕР., Д. 1.

Ц. 55 к